

Господь спасъ,

(Быль изъ настоящей войны.)

Въ семьѣ Ивана Канчурина большая радость: сыночекъ, что служить въ Петроградской гвардіи, прислалъ письмо и посылку (это было еще до войны). Какое славное письмо написалъ Тимошенъка! Всѣмъ до малаго жукленка прописалъ поклоны, всѣхъ возвеличалъ по имени—отчеству... Сестренку Дуньку, которой всего два гола и которая родилась уже безъ него, и ту возвеличалъ «и ей написалъ:» и еще кланяюсь низжающимъ поклономъ дорогой сестрицѣ Авдотѣ Ивановнѣ и желаю вамъ добраго здравія и въ дѣлахъ вашихъ успѣха»... Смѣялись немало надъ этимъ — Дунькѣ — пузырю успѣха въ дѣлахъ... Смѣхота! А что было въ посылкѣ, такъ это просто удивленье! Во первыхъ, портретъ Тимофея, не простая фотографическая карточка, какую присылаютъ обыкновенно солдаты, а портретъ настоящій, почти аршинъ въ высоту, въ прекрасной рамѣ, за стекломъ! Тимофей, какъ живой, такой бравый молодець, глядитъ весело, улыбается. Такъ и хочется будто промолвить: «смотрите-ка, какой я молодчина!» И то сказать: столичный гвардеець, тоже не шутка, не какая-нибудь пѣхтура изъ Оренбурга или Перми.

Во вторыхъ, часы—будильникъ, отличный будильникъ! Заведешь его, начнетъ такъ трезвонить, что бѣги вонъ изъ избы, оглушить; разбудить, небось, не безпокойся, хоть ты спи какъ египетская мумія... Быль въ посылкѣ и полущалокъ для жены, платокъ матери, гребенка отцу, ножикъ брату. Всѣмъ прислалъ подарки, всѣмъ угодилъ. Ужъ такой желанный этотъ Тимошенъка!

Подарки были присланы въ іюнѣ прошлаго года. Въ іюлѣ грянула война, и въ началѣ августа Тимошей прислалъ открытку уже съ пути къ австрійской границѣ. Пишетъ «идемъ на войну съ супостатомъ. Прошу родительскаго благословенія вашихъ молитвъ, чтобы сохранилъ меня Господь отъ пули вражьей.» Заплакали въ семьѣ Ивана, воемъ—воетъ мать.

Сядетъ на лавку предъ портретомъ и причитаетъ: «соколикъ ты мой ясный, ягодка румяная, сыночекъ родимый! убьютъ тебя злыя бусурманы, положишь на чужой сторонущкѣ буй-

ную свою головушку, разтерзаюгь твое гбѣ, облоа звѣри лютые)... Плачетъ—надрывается магь, и страннымъ кажется улыбающеся, съ бѣлыми блестящими зубами, лицо портрета — вотъ, моль, каковъ я! Плачетъ и молодая жена Тимоооя Анисья, но плачетъ больше тайкомъ. Любитъ она мужа крѣпко, но чего же быть безъ толку? Правда, отправился Тимоша на войну, въ смертный бой пойдетъ, но не всѣхъ же убиваютъ? Вернется, Богъ дастъ, живымъ и здоровымъ, да съ наградою еще. Какъ не заслужить награды такому молодцу!

№—скій гвардейскій полкъ, въ которомъ служилъ Тимооей Канчуринъ, сразу, на другой-же день по прибытіи къ мѣсту военныхъ дѣйствій, вступилъ въ жаркое дѣло. Лихо дрались гвардейцы. На слѣдующій день опять пришлось порѣдѣвшему полку биться съ врагомъ и еще порѣдѣли роты... И такъ пошла боевая страда изо-дня — въ день. Отдохнуть денекъ, другой и опять за работу: «обьютъ, колютъ врага, гонягь не давая ему ни отдыха, ни сроку». Все хранилъ Богъ Тимоооя Канчурина, чуть не въ десяти настоящихъ бояхъ былъ, ходилъ въ атаку, и непріятельскія атаки отбивалъ, многіе товарищи уже оправались въ лучшій міръ, многіе лежали въ лазаретахъ, а на Качуринѣ хоть бы царапина!

Такъ почти въ непрерывныхъ бояхъ прошелъ цѣлый мѣсяць. Послѣ Львовскихъ побѣдъ наступило затишье. Чудо-богатыри отдохнули, если можно только назвать отдыхомъ пребываніе на передовыхъ позиціяхъ, въ окопахъ, куда нерѣдко залетали непріятельскія бомбы и шрапнели. №—скій полкъ стоялъ въ передѣлѣ. Мѣсто сравнительно было безопасное такъ какъ сюда, если и залетали снаряды, то нечасто.

Выдался хорошій денекъ Сидятъ солдатики вокругъ огонька, привѣтливо булькаетъ закипающая вода въ чайникахъ, апетитный паръ идетъ изъ котелковъ съ картошкою. Хорошо послѣ «трудоу праведныхъ» поѣсть горячей, обжигающей руки и ротъ, картошки и выпить кружечку—другую чайку! Здѣсь и Тимофей Канчуринъ.

«Бойцы всеминаютъ минувшіе дни И битвы, гдѣ вмѣстѣ рублились они»..

Идетъ разговоръ о томъ, кто сколько уложилъ астрійцевъ, какъ выбивали ихъ штыками изъ окоповъ въ ночной атакѣ,

какъ визжать въ безумномъ ужасѣ солдаты «Оиты съ двумя ижицами»,*) когда примешь ихъ въ штыки— не любить австріякъ русскаго штыка!...

Сидятъ солдатики, разговариваютъ, шумятъ, смѣются, какъ будто послѣ молотбы или какой другой мирной работы отдыхать, а не послѣ трудовъ на кровавой нивѣ. А непріятельскій снарядъ съ противнымъ, рѣжущимъ ухо визгомъ, нѣтъ—нѣтъ да и пролетитъ и упадетъ гдѣ—нибудь неподалеку.

— Вишь ты, палить проклятый: Закусишь не дасть крепенному человѣку. Сгубить, дери его врозь, нашу картошку! — шутить Кузьма Поспѣловъ, бойкій ярославецъ, первый пріятель Тимоѣея Кончурина.

— Картошку-то наплевать, а вотъ кабы не оторвало ту картошку, что у тебя на плечахъ, безъ ее трудновато тебѣ придется, — говорилъ усатый унтеръ, опасливо слѣдя за полетами снарядовъ.

Солдаты дружно смѣются.

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ: она у тебя сиѣлая къ тому—же, недаромъ ты прозываешься Поспѣловъ: тюкнуть тебя по ей, по картошкѣ-то, она и отвалится.

— Одначе будетъ зубоскалить-то, братцы. Давайте-ка поѣдимъ. Кажись, готово кушанье, говоритъ унтеръ и потянулся къ котелку.

Въ этотъ моментъ шрапнель просвистѣла надъ самыми головами безстрашныхъ солдатъ и упала въ пяти шагахъ.

— Ложись!—не своимъ голосомъ крикнулъ унтеръ, и въ тотъ же мигъ раздался страшный взрывъ...

Когда разсѣялся дымъ, то на мѣстѣ оживленной кучки солдатъ виднѣлись окровавленные, обезображенные тѣла, стертанные руки и ноги, слышались хрипѣніе и стоны раненыхъ... Даже березки были изранены: они жалостливо трепетали листочками, и капли крови на ихъ бѣлоснѣжной корѣ казались ихъ собственной кровью...

Кузьма Поспѣловъ очнулся въ львовскомъ лазаретѣ. Въ первый моментъ онъ не могъ сообразить, что съ нимъ и гдѣ

---

*) Инициалы на головномъ уборѣ австріяцкихъ солдатъ F. I. I., означающіе: „Францъ—Іосифъ Императоръ“.

онъ? Попробовалъ шевельнуться, все тѣло будто пронизалось тысячью иголь, нестерпимая боль чувствовалась особенно въ правомъ боку и въ правой ногѣ. Въ сознаниі вслило воспоминаніе о послѣднихъ минутахъ, проведенныхъ въ березовой рощицѣ.

— Живъ, слава Тебѣ, Господи!— было первою его мыслью.— Все ли цѣло? Повидимому, все какъ будто на мѣстѣ, только изранило и контузило сильно. Ну, да отлѣжусь, Богъ дастъ. Здорово насъ тогда шваркнули, бестіи! Кашу сдѣлали изъ христоролюбиваго воинства, да еще не простую кашу, а съ картошкою, —не утерпѣлъ и здѣсь, чтобы не усмѣхнуться про себя, Пospѣловъ.— Живы-ли товарищи? Да гдѣ, чай?

Обратился Пospѣловъ съ распросами къ сестрѣ милосердія, къ сосѣдамъ по койкѣ. Тѣ ничего не могли сказать, да къ тому же тяжело раненому Пospѣлову и запрещалось говорить. Только чрезъ недѣлю узналъ онъ, что въ другомъ отдѣленіи лазарета лежитъ раненый ихъ унтеръ-офицеръ. Съ большимъ трудомъ, сдерживая стоны, протащился онъ нѣсколько шаговъ, добрался до койки унтера. Послѣдній лежалъ весь забинтованный, лѣвая нога у него была отнята. Отъ него Пospѣловъ узналъ, что изъ пятнадцати человѣкъ, попавшихъ тогда подъ австрійскую прапнель, остались живы только шестеро, считая и ихъ двоихъ, причѣмъ Пospѣловъ отдѣлался счастливѣе всѣхъ, а тѣ трое остались безъ руки или безъ ноги, а одному голову проломило, едва ли выживетъ:

— А знаете-ли про Тимоѣя Канчурина? Что онъ живъ, раненъ?—спросилъ Пospѣловъ,

— Какое тамъ живъ! Въ куски его изорвало. Самъ видѣлъ. Я въ памяти еще былъ, когда подобрали насъ санитары.

— Царство небесное,—перекрестился Пospѣловъ.— Душевный былъ малый и товарищъ хорошій. У, проклятое племя...—добавилъ онъ, грозя сжатымъ кулакомъ по направлению къ неприятелю.

— Да, братъ, обидѣли они шибко нашу роту. Мнѣ ужъ не придется разсчитаться съ ними,—говорилъ унтеръ, съ тоскою глядя на мѣсто, гдѣ была лѣвая нога.

— Ты вотъ попривишься, пойдешь въ строй, такъ ужъ постарайся и за насъ, и за убитыхъ.

Только-бы довелось... Штыкомъ бы ихъ окаянныхъ!
Я-бы имъ прописалъ...

Недѣли черезъ двѣ послѣ описаннаго Ивану Кончурину
принесли изъ волости письмо.

«Ой, худо! Не самъ пишетъ!—повумалъ братъ Алексѣй
(онъ хорошо грамотенъ), но не высказалъ своей мысли вслухъ.

Однако съ первыхъ же словъ письма оказалась горькая
вѣсть. Солдатка заголосила, мать такъ и грохнулась безъ па-
мяти..

Кузьма Паспѣловъ писалъ: «Увѣдомляю васъ, что вашъ
сынъ Тимошей положилъ животъ свой за Вѣру, Царя и Оте-
чество. Сидѣли мы пятнадцать человекъ въ лѣсочкѣ, отды-
хали. Налетѣла бомба, разорвалась и сразу убила десять че-
ловекъ и вашего сына въ томъ числѣ. Царствъ ему небесное,
вѣчный покой»...

Прошли первые дни остраго горя. Успокоились немного
въ семьѣ Канчуриныхъ. Что будешь дѣлать? Убить Тимо-
шенька... Не пужны ему слезы, плачъ и причитанія, а надо
молиться объ упокоеніи его душеньки, надо отслужить заупо-
койную обѣдню.

Взяла мать роковое письмо и отправилась къ батюшкѣ.
Повѣдала свое горе старушка, обливаясь горячими слезами
и показала письмо.

Прочиталъ батюшка письмо и говорить: «а вы не уби-
вайтесь, не скорбите слишкомъ. Если дѣйствительно судилъ
Господь вашему сыну часть въ борьбѣ съ врагомъ, то, зна-
читъ, па то воля Божія, а можетъ быть еще это письмо и
не достовѣрное, можетъ быть Тимошей и живъ?»

— Что вы, батюшка, говорите?— скорбно говорить ста-
рушка.—Гдѣ ужъ живъ. Ясно вѣдь въ письмѣ-то сказано.
Бомбой убило.

— Что письмо! Развѣ не могъ написавшій письмо оши-
биться? Самъ онъ не видѣлъ убитымъ вашего сына, въ пись-
мѣ вѣдь не сказано этого. Не отчаявайтесь и не теряй-
те надежды. За упокой подождите молиться. Богъ не безъ
милости—авось и вернется вашъ Тимоша.

Въ сердцѣ старушки затеплилась надежда, и она пошла
домой успокоенная. И въ семьѣ всѣ успокоились немного,
положились на волю Божію.

Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Въ семьѣ Канчуриныхъ день со днемъ исчезала надежда. Мать два раза приходила къ священнику — просила опять его отслужить заупокойную похоронную. Но батюшка все успокаивалъ старушку, все говорилъ: подождите, успеете...

Въ первыхъ числахъ ноября Алексѣй Канчуринъ ѣхалъ на базаръ въ сосѣднее торговое село, лежащее на большомъ трактѣ, идущимъ отъ города. Ѣдетъ и думаетъ невеселую думу о томъ, какъ трудно будетъ ему одному, безъ Тимоѳея, при старикахъ — родителяхъ, управляться съ хозяйствомъ.

Навстрѣчу Алексѣю трусить на плохенькой лошаденкѣ башкиринъ, а съ нимъ рядомъ виднѣется сѣрая шинель, солдатская фуражка, бѣлѣется подвязанная рука... Замѣтя еще издали солдатскую шинель, Алексѣй такъ и похолодѣлъ весь отъ сладкаго предчувствія. «Неужели?... Господи»... — думаетъ онъ, а сердце такъ и бьется, такъ и колотится, хочетъ выскочить изъ груди...

Вотъ сани поровнялись. Алексѣй мигомъ вскочилъ въ сани къ башкирину.

— Брагъ! Тимошка! — не своимъ голосомъ крикнулъ онъ. Неужели это ты? Живъ?

— Какъ видишь, слава Богу, — отвѣчаетъ Тимоѳей, блестя бѣлыми зубами. — Только вотъ лѣвая рука подгуляла, командуетъ, да плохо.

Пересѣлъ Тимоѳей въ сани къ брату, рассчитались съ башкириномъ, накинувъ ему на радостяхъ цѣлый гривенникъ сверхъ условленной платы — пусть и онъ радуется! и покатили, нахлыстывая ежеминутно лошадь, домой,

— Ты смотрика... Живъ, а... Чудо да и только, ей-Богу, чудо.. — безсвязно говоритъ Алексѣй. — А вѣдь сразу тебя дома нельзя показывать. кабы не случилось чего худого съ мамой: вѣдь мы всѣ давно считали тебя убитымъ.

— И то правда, — согласился солдатъ. — Иди ты впередъ въ избу, скажи какъ-нибудь исподволь.

Остановились за два двора до своей избы. Тимоѳей остался въ саняхъ, Алексѣй побѣжалъ въ избу.

Радостный, взволнованный, онъ сразу выдалъ себя.

— Почему веротился? Али описьмо? Говори, что у тебя языкъ что-ли отнялся? — кричатъ ему со всѣхъ сторонъ.

— Да, какъ бы вродѣ... Оно это и лучше... Не командуетъ, говоритъ, да это ничего, рука то есть... безсвязно бормочетъ Алексѣй.

Въ эту минуту на улицѣ слышались крики, возгласы удивленія...

— Тимошенька пришелъ! Чуетъ мое сердце! — крикнула мать и опустилась на полъ.

Черезъ минуту Тимошей былъ уже въ избѣ и обнималъ рыдающую мать. Она ничего не говорила, только все крестилась, и крупныя слезы текли по ея морщинистымъ щекамъ. Все обошлось благополучно — отъ радости не умираютъ!

Много было разговоровъ въ семьѣ, много поразказалъ раненый о подвигахъ русскаго воинства. Разказалъ и о томъ, что онъ спасся, если не отъ вѣрной смерти, то ужъ отъ вѣрнаго искалеченія только чудомъ, истинно по Божьей милости: за секунду до взрыва шрапнели онъ отошелъ отъ костра на пригорокъ, чтобы помолиться на виднѣвшійся оттуда крестъ православной церкви. Въ этотъ самый моментъ и произошелъ роковой взрывъ. Рану въ руку онъ получилъ уже послѣ. Объ всемъ писалъ домой письма, но вотъ подите-же — какъ на грѣхъ ни одного письма не получили, а письмо Поспѣлова дошло...

Въ настоящее время Тимошей Канчуринъ опять подвизается на полѣ бранномъ. Онъ уже старшій унтеръ-офицеръ и имѣетъ два Георгіевскихъ креста.

Помоги, Господи, ему и всему христолюбивому воинству одолѣть супостата...

Свящ. С. Васильевъ.